

Александр Токарев

16+

Короткие встречи

Александр Токарев
Короткие встречи

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Токарев А. В.

Короткие встречи / А. В. Токарев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-09486-4

В этой книге рассказывается о самом близком для души увлечении – рыбалке. Здесь читатель увидит картины лесной жизни, где на глухом озере живёт себе вековечно семья воронов и ловится со льда желтобрюхая ямная щука. Волга встретит бескрайними просторами и ветрами, пахнувшими инеем и дымком костра с островов. Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

ISBN 978-5-532-09486-4

© Токарев А. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Короткие встречи	5
Три встречи с Озером	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Короткие встречи

На Ошле

Малые реки миловидны и скромны. Среди теплых лугов, где стоит сладкий медовый аромат, петляет река-речушка Ошла, местами больше похожая на ручей. На перекатах Ошлы выются длинные водоросли, сплетаясь и вновь бессильно опадая по течению. В омутах кружит черная вода, и желтеют кубышки. Большой частью речка довольно стремительна и неглубока, лишь в редких бокалдах-ямах есть настоящая глубина, где вода стоит тяжело и студено, неторопливо поворачиваясь в обрат. Путь Ошлы обозначают кусты ивняка.

Я ловлю здесь на перловку сорожку. Подбросив за кубышки несколько пригоршней пшенной каши с сухарями, я сижу рядом с удочками и наблюдаю за беспокойной жизнью поплавков. Вот один дрогнул, притопился и с наклоном пошел в сторону. Подсечка! Упираясь и разбрызгивая теплую воду, на леске ходит сорожка с ладонь. Затем берет еще одна такая же некрупная, но крепкая в теле серебристая сорога и все стихает. Спустя какое-то время, за которое я успеваю глотнуть холодного чая, кто-то интересуется насадкой второй удочки. На ее крючке насажен навозный червяк – насадка не совсем летняя. Поплавок подпрыгивает и падает набок. Рука тянется подсечь, но рано, надо подождать... Поплавок снова приподнимается и идет в сторону. Пора!.. Поддергиваю кверху удилище, и оно упруго сгибается под живой тяжестью. Вначале кажется, что удилище вообще не поднять, а там, на крючке, тяжело повисла невиданная для этих мест чудо-рыбина – золотое перо... Но вот стронулась рыба и заходила на леске, толчками пригибая удилище. На поверхность смятенной воды всплыл оторванный стебель кувшинки с ярко-желтым бутоном. А затем поднялась кверху и зарыскала яростно действительно чудо-рыбина – сорожина, и действительно невиданная для этих неярких и небогатых по нынешнему времени мест. Эта сорога была, видимо, царицей здесь, а затем на червя и перловку стали поклевывать ее подданные – сорожки-с ладошку и меньше...

За моими действиями лениво наблюдает ястреб-тетеревятник, парящий над маревом лугов в восходящих потоках воздуха, насыщенного густым запахом трав и яркоцветья. Но его скорее интересуют чибисы или речные кулички, а может быть, взгляд суровоглазой птицы направлен в сторону деревни, где кудахчут курицы?..

Ловля сорожки вскоре прискучивает, и я иду проверять жерлицы, которые расставлены прямо с берега. Шесты их закреплены, как и удилища, с помощью рогатины-рогулины и «антирогулины». Места для жерлиц выбирал долго, поскольку река довольно быстра. Но некоторые омутки с кувшинками и обратным течением подошли вполне. Шесты жерлиц установил так, чтобы рогульки с леской, намотанной «восьмеркой», висели за травой и живец не смог бы захлестнуться. От «финских» крючков пришлось отказаться, поскольку живец с продетым сквозь жабры поводком в жару не выдержал бы и получаса. Сорожки были подцеплены под спинной плавник маленьким двойничком и подстрахованы одинарным крючком за губу. Для этого оснастка была дополнена коротким вольфрамовым поводочком.

На одной из жерлиц-рогулек леска была смотана и косо уходила под травянистый берег. Осторожно берусь за леску, и тут же следует удар!.. Из-под берега выбрасывается щучка и, алея жабрами, трясет головой, схожей чем-то с утиной. Вот только уж больно богата зубами эта «уточка»... Щучку беру спокойно, за «шиворот». Леска позволяет, тем более рыбина засекалась надежно, что можно было заметить при финальном щучьем «выходе». (Когда она хлопнула пастью, я увидел, что поводок уходит в глотку).

Жерлица, установленная под высоким берегом «бокалды», также размотана. Здесь не было травы, и жерлица-рогулька висела над черной от глубины ямой, где вода кружила, юля

водоворотами. Едва я взялся за леску, как она натянулась и резко пошла против течения. Рывок! Из воды выпрыгнула ослепительно серебристая пружина и рухнула в воду... Леска опала и стала до отвращения вялой, без упругой тяжести... Голавль, крупный матерый голавль взял на сорожку, но не засекся, осторожный, а лишь, задавив живца, ушел в холодную глубину бокалды, оставив меня в разбитых чувствах и разочарованиях...

Вечер теплый и я разжигаю костер лишь для того, чтобы посумерничать у тихой воды, послушать пение угольков и треск сушняка. Костер напоминает иногда живое и несколько болтливое существо, особенно, когда бываешь один несколько ночей в лесу. Он, костер, и приемник-пискун – старые товарищи на рыбалке в одиночестве, нередко приятном мне...

– Ирр-ра, ирр-ра! – вдруг неожиданно гулко раздается в осоке, и я даже вздрагиваю. В ответ на громкое представление неведомой «Иры» раскатывается еще более громовое кваканье по всему плесу. словно по команде грянул лягушачий хор, и заводилой была именно «Ира». Так я ее окрестил, потому что голос ее непременно выделялся, был внятен и громогласен среди лягушачьего плесба...

– Ира! – время от времени звал я ее, и царевна-лягушка с готовностью отзывалась. Так было всю теплую летнюю ночь, когда не спалось, и в палатке было душно, несмотря на то, что верх был поднят и белел лишь сетчатый полог.

Не успела отгореть вечерняя заря, как занялась утренняя. На новый день у меня запланирован эксперимент. Готовлю «телескоп» без поплавка. В банке сухо толкутся кузнечики. Тихо иду вдоль спящей реки, нахожу «окошко» среди травы и, не дыша, опускаю крючок с кузнечиком на короткой леске, подмотанной на катушку «телескопа». Кузнечик с легким всплеском падает на воду, пуская круги, и вновь прыгает на поверхности, повинаясь движениям удилища. Еще всплеск и еще, а затем вдруг – удар!.. На леске рвется из стороны в сторону голавлеще! Откуда он вывернулся?!.. Пытаюсь погасить его рывки и готовлю подсак, впервые за сутки. Есть! Запеленал серебристого!..

На берегу люблюсь красивой лобастой рыбиной, в чешуе которой уже алеет заря-огневица... Ай да Ошла, ай да ручеек, где, оказывается, живет себе голавль красноперый с желтыми пронзительными глазами...

Сабанаково

Как мне говорили, Большая Кокшага на пятнадцать километров вверх и вниз от Старожильска выбита «электроудочниками», недоносками, которые живут сейчас так, как будто завтра же свершатся пророчества Апокалипсиса...

Подобные предупреждения, конечно, – не в путь, но меня все равно тянет в места, где пацаном белобрысым встречал с отцом рыбацкие зори. А рыба?.. Да пусть ершик попадетсЯ, сорожка с палец – и ладно.

Остановились мы с сыном Иваном на бывшем лесоучастке Сабанаково, от которого сейчас остались лишь какие-то дощатые и бревенчатые остовы то ли домов, то ли сараев. Кокшага в этих местах неширока, но красива среднерусской неяркой красотой. Пологие песчаные косы с ивняком перемежаются высокими обрывами, пронизанными корнями дубов. Под обрывами лежат топляки, и ходит кругом черная вода. Кое-где торчат из-под воды острые сучья-руки мореного дуба. По берегам гудит вековечно сосновый бор, ели стоят угрюмо, дубы роняют желуди в красно-коричневую «суровую» воду, трепещут на ветру осинки, прячутся в кустах стыдливо юные березки. Кружат тетереватыки над крутоярами, и сидит на сухостоине мрачный ворон-черное перо.

Мы с Иваном накачиваем двухместную «резинку» и выплываем к противоположному берегу, где торчит из воды крепкая двойная коряжина. Как раз приткнуться-привязаться к ней, вместо того, чтобы якориться ненадежно на гладком песчаном дне. Напротив коряжины видно

устье то ли ручья, то ли речушки. Это плюс. Не стандартное место: с притоком и бурылями на встрече струй ручья и реки.

Готовлю «кольцовку». Кормушка в отличие от многокилограммовой волжской ведёрной кормушки гораздо легче, сделана из фильтра какого-то механического овра. Имеет доннышко свинцовое и крышку. Кольцо тоже на порядок легче волжского. Короче и подлесок с поводками, не длиннее полутора метров. Насадка у нас без особых изысков: опарыш, перловка и манная каша вкрутую, размятая с растительным маслом и анисом.

Кольцо с подлеском уходит в стремительные струи Кокшаги, и мы с сыном заворожено смотрим на сторожок «кольцовки» с колокольчиком. Он, как и ожидалось, молчит и лишь подрагивает от набегающих струй. Словно загипнотизированные, смотрим на неподвижный сторожок минут двадцать пять. Затем, очнувшись, начинаю налаживать снасть сыну, успокаивая себя попутно: «Знал ведь, говорили люди, нет здесь рыбы. Да и прошло то времени всего ничего...». Мелькают эти мысли в голове, вроде бы и ждал бесклевья, а как-то тоскливо-безнадежно делается где-то под сердцем.

Путаюсь в спешке со снастью и тут краем глаза вижу, как пружина с красным пластмассовым шариком и колокольчиком мягко сгибается, а затем, выпрямившись, начинает биться резко и нервно. Бросаю леску Ванюшкиной снасти и подсекаю! По руке передается удар и сразу – слабина... Поднимаю со дна кольцо и вижу, что на подлеске нет поводка... Крепкая леска порвалась, даже не пискнув. Вот тебе и ершики и сорожки с палец. Ставлю на «кольцовку» леску 0,4 мм в качестве основной, а поводки подвязываю из лески сечением 0,3 мм.

Спустя какое-то время одновременно согнулись сторожки на моей и Ванюшкиной «кольцовках». Зазвенели колокольчики, суматошно и громко. Так же одновременно подсекаем и выводим с сыном по язю за килограмм!.. Только вот мне пришлось брать рыбину рукой и переваливать через борт, так как Иван перехватил подсак с юной ловкостью и реакцией. С почином!.. Сидели в лодке до позднего вечера, пока нас совсем не скрючило в резиновой «Омеге». Бешеного клева, конечно, не было, середина лета как-никак, но сын поймал леща килограмма на полтора, а я – еще пару подъязков. Затем с сумерками заклевали упомянутые уже ерши, на которых вначале только и надеялись... Но в довесок к язям и лещу колючие недомерки – тоже рыба. А впереди еще раннее утро. Кормушки оставили на дне. Может быть, за ночь рыба привыкнет стоять в струе пахучего корма. Стоит поутру поднять буйки, привязаться к коряге и... Как всегда, не спится в нетерпении, перед глазами трепещет сторожок с колокольчиком, прыгают солнечные зайчики и бегут речные волны...

Три встречи с Озером

Оттепель

Лесные озера своенравны, имеют характер сродни человеческому, но больше похожи по зиме на угрюмого лешака-бирюка. Особенно это сходство проявляется в серые короткие дни падающего снега и тоскливых метелей. Лишь ненадолго просветлеет небо, а совсем уже близко – тяжелые сумерки с вековечно монотонным гудением соснового бора. Но случается, как и мрачный человек – себе на уме – улыбнется вдруг Озеро, засветится чистыми красками, и этот серый тоскливый мир вдруг делается цветным и свежим, пахнущим живицей, хвоей и сырыми багульниками. Свалится за горизонт тучевая пелена-рвань, придет прозрачное утро со звонким морозцем и пылающей на востоке зарей. Выглянет из-за сосняка алый краешек, и вспыхнет над ним изумрудная акварель высокого бездонья... День начнется яркий и тихий, с греющим уже светилом и первым шорохом тающего снега.

Обычно мы приходим к Озеру в марте. Тогда случается, что кроме черных окунишек-конголезцев, можно поймать на жерлицы одну, две, десять щук, в зависимости от настроения местного Хозяина-Чертяки, или от каких других причин... Но среди февраля вдруг наступила неожиданная и ясная оттепель, словно очень ранняя-ранняя весна. И мы с сынишкой Димкой не выдержали. Захотели повидаться с Озером. А рыба?... Рыбы можно будет потом и на Волге-водохранилище наловить, успеется, – решили мы и в нетерпении заспешили к озерной тишине и нашей старой землянке, вырытой среди молчаливого соснового бора, на песчаном бугре у Озера.

Снег на льду был по-зимнему нетронутো свеж и сух. Идти по нему на лыжах было бы одно удовольствие, но местами под снег выступала коричневая вода, словно кофе с молоком, и тогда лыжи приходилось чистить от наледи. Не помогала и мазь.

В заливе у речки нет ни одного человеческого следа и лунок. Кругом снежная целина, лишь расчерченная заячьими и лисьими следами. Эта нетронутость и тишина и манит нас сюда, пусть, случается, и скудна добыча.

– Ну, Димка, попьем чайку и рыбачить? – оглядываюсь на сынишку.

– А ты блинчики мамины взял? – кряхтит Димка, сбрасывая с плеч рюкзак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.